

© 2014 г. П.М. АРКАДЬЕВ

КРИТЕРИИ ФИНИТНОСТИ И МОРФОСИНТАКСИС ЛИТОВСКИХ ПРИЧАСТИЙ

В статье обсуждаются морфосинтаксические признаки литовских причастий, соотносящиеся с принятыми в типологии критериями противопоставления финитных и нефинитных глагольных форм: выражение времени, согласование с субъектом, допустимость и падежное оформление субъекта и т.п. Анализ материала различных употреблений литовских причастий в позиции независимого сказуемого эвиденциальных конструкций, в функции сказуемого актантных, обстоятельственных и атрибутивных зависимых предикаций и в качестве лексического компонента аналитических глагольных форм показывает, что в разных конструкциях причастия демонстрируют существенно разную степень (не)финитности и что морфосинтаксические свойства причастий предопределяются конструкциями, в которых они выступают. Понятия «финитность» и «нефинитность», тем самым, являются неэлементарными и скорее эпифеноменальными.

Ключевые слова: литовский язык, причастия, критерии (не)финитности, конструкции, глагольные и именные категории

The paper discusses the morphosyntactic properties of Lithuanian participles in the light of the cross-linguistic criteria distinguishing between finite and nonfinite verbal forms, i. e. marking of tense, agreement with the subject, expression and case marking of the subject etc. An analysis of the major uses of Lithuanian participles, i. e. as independent predicates of evidential constructions, as heads of subordinate clausal arguments, adjuncts and relative modifiers, and as lexical components of periphrastic verbal forms, shows that in different constructions Lithuanian participles show varying degrees of (non) finiteness and that their morphosyntactic properties are largely determined by the constructions in which they appear. Thus, the notions «finite» and «nonfinite» are shown to be non-elementary and to some extent epiphenomenal.

Keywords: Lithuanian, participles, criteria of (non) finiteness, constructions, verbal and nominal categories

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена признакам финитности и нефинитности причастий литовского языка в различных их употреблениях. Перед тем как переходить к собственно изложению и анализу литовского материала, необходимо остановиться на теоретических и типологических проблемах изучения финитности в современной лингвистике. Именно теоретические и методологические сложности, возникающие при применении понятия «финитность» к материалу конкретных языков, мотивируют нетривиальность поставленной в настоящем исследовании задачи¹.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 12-34-01345 «Синтаксис нефинитной глагольной предикации». Данная статья основана на докладе, прочитанном на 1-й конференции-школе «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», Институт языкознания РАН, Москва 20–22 сентября 2012 г. Я благодарю участников этой конференции за интересное обсуждение, а также Бьёрна Вимера, Ксению Шагал и анонимного рецензента за чрезвычайно ценные замечания, которые я постарался учесть при подготовке окончательного текста. Все ошибки и неверные трактовки остаются на совести автора.

В традиции описания индоевропейских языков разграничение финитных и нефинитных глагольных форм считается однозначным и основывается на сочетании морфологического и дистрибуционного критериев: финитные («личные») формы содержат показатели лично-числового согласования с подлежащим и способны возглавлять независимое предложение, в то время как нефинитные («неличные») формы лишены показателей лица и не могут выступать в качестве независимого сказуемого, ср. [Brugmann 1892: 836–837; Meier-Brügger 2003: 184; Kortjevskaja-Tamm 1999: 146]. В то же время еще младограмматики осознавали, что с синтаксической точки зрения данное разграничение не является строгим, поскольку нефинитные формы могут «получать те же функции, что и формы с личными флексиями»² [Brugmann 1892: 842]. Один из типичных случаев исторического развития нефинитных форм в финитные в индоевропейских языках – превращение в восточнославянских языках общеславянских *л*-причастий в формы прошедшего времени при утрате вспомогательного глагола.

Напротив, в современной грамматической типологии, см., например, [Калинина 1998; 2001; Givón 2001: Ch. 18; Cristofaro 2003; 2007; Nikolaeva 2007a; 2013; Creissels 2009], понятие финитности в основном рассматривается как градуальное, а не бинарное и дискретное. Степень (не)финитности той или иной глагольной формы или конструкции определяется на основании ряда признаков, таких как согласование с актантами, выражение глагольных (вида, времени, модальности и т.п.) или именных (число, падеж, род/класс, определенность и т.п.) грамматических категорий, наличие специальных показателей подчиненного синтаксического статуса, особенности кодирования актантов и т.п. (ср. также понятие «шкалы номинализации», см. [Lehmann 1988; Malchukov 2004]). Иной точки зрения придерживается В. Бизанг, в работах которого [Bisang 2001; 2007] предлагается рассматривать финитность как грамматикализованное выражение независимого статуса предикации³; при этом, однако, Бизанг эксплицитно отрицает универсальный статус противопоставления финитности и нефинитности, говоря, что при отсутствии в языке грамматикализованного противопоставления независимых и зависимых предикаций в нем нет и различия финитных и нефинитных форм.

В формальных теориях грамматики, например в минимализме, понятие финитности также рассматривается как неэлементарное (см., в частности, [Landau 2004; Adger 2007]). Финитность обычно сводят к комбинации таких в принципе традиционных параметров, как наличие независимой темпоральной интерпретации и согласования с субъектом по лицу, с которыми связывают признаки референциальной независимости субъекта, непрозрачности клаузы для синтаксических операций извне и ряд других. Нефинитные предикации в минимализме обычно трактуются, во-первых, как имеющие отрицательное значение одного или обоих основных признаков финитности, и во-вторых, как лишенные тех или иных фрагментов характерной для независимых клауз функциональной структуры (например, ряда проекций так называемой «развитой левой периферии», *extended left periphery* [Rizzi 1997], или тех или иных уровней проекции глагольной группы, см., например, [Wurmbrand 2001]).

Вне зависимости от принятых в конкретной грамматической теории формальных или неформальных механизмов трактовки финитности, практически все современные подходы к этой проблеме сходятся в том, что, во-первых, понятие финитности не является элементарным, и, во-вторых, что нефинитные структуры в языках могут быть весьма разнообразны и в том числе различаться по степени своей нефинитности (ср. «есть более одного способа быть нефинитным» [Adger 2007: 26]⁴). При этом очень

² «<...> zwischen verbum finitum und verbum infinitum insofern keine scharfe Grenze zu ziehen ist, als Formen des letzteren dieselbe Function bekamen, die die Formen mit echter Personalendung hatten».

³ «If a language has an overt morphosyntactic marker from which the human parser can derive the independent status of a grammatical structure that language makes a finite/nonfinite distinction» [Bisang 2007: 116].

⁴ «[T]here is more than one way to be non-finite».

важно подчеркнуть, что, поскольку морфосинтаксические критерии (не)финитности, вообще говоря, индивидуальны для каждого конкретного языка, ни один такой признак (например, выражение лица, времени или иллокутивной силы) сам по себе не может рассматриваться в качестве универсального (ср. уже упоминавшиеся восточнославянские языки, где несомненно финитные формы прошедшего времени согласуются с субъектом не по лицу, а, подобно прилагательным в позиции предиката, по роду). Более того, различные параметры (не)финитности необязательно коррелируют между собою, как в пределах конкретноязыковой системы, так и типологически, что привело ряд исследователей к отрицанию типологической значимости этого понятия вообще (ср., в частности, [Cristofaro 2007]).

Возможное решение проблемы (не)финитности было предложено в недавней статье И. Николаевой [Nikolaeva 2013], в которой в рамках так называемого «канонического» подхода к типологии [Corbett 2005; Brown et al. 2013] предлагается набор разнородных критериев, структурирующих типологическое пространство (не)финитных глагольных форм и конструкций. Канонический подход к определению типологических понятий состоит в том, что каждому понятию сопоставляется целый ряд критериев (в общем случае логически независимых) вида «канонический X обладает свойством Р», задающих, с одной стороны, «канонический идеал» некоторого явления, удовлетворяющий всем релевантным критериям, и, с другой стороны, пространство типологических возможностей, содержащее явления, по тем или иным признакам отклоняющиеся от «канона». Критерии «канонической финитности» И. Николаевой приведены ниже; запись «А > В» означает «финитная форма канонически обладает признаком А, а не признаком В».

Морфологические критерии:

(C1) маркирование времени > нет маркирования времени

(C2) согласование с субъектом > нет согласования с субъектом

(C3) маркирование наклонения и/или иллокутивной силы > нет маркирования наклонения и/или иллокутивной силы

(C4) маркирование вежливости > нет маркирования вежливости

(C5) маркирование эвиденциальности > нет маркирования эвиденциальности

(C6) нет маркирования переключения референции > маркирование переключения референции

(C7) номинативный субъект > неноминативный субъект

Синтаксические критерии:

(C8) независимая предикация > зависимая предикация

(C9) допустим субъект > нет субъекта

(C10) морфосинтаксическое выражение коммуникативной структуры > нет морфосинтаксического выражения коммуникативной структуры

Семантические критерии:

(C11) ассерция > нет ассерции

(C12) независимая временная референция > нет независимой временной референции

(C13) коммуникативная расчлененность > нет коммуникативной расчлененности

Грамматическая форма или конструкция, демонстрирующая положительные значения всех перечисленных признаков (C1)–(C13), является «канонической», несомненной финитной формой; формы и конструкции, для которых те или иные признаки принимают отрицательные значения или оказываются нерелевантными, тем самым отклоняются в большей или меньшей степени от «идеала» финитности. Наибольший интерес с точки зрения типологии (не)финитности, по-видимому, представляют случаи несоответствий между целыми группами признаков, в частности ситуации, когда формы, нефинитные по морфологическим критериям, демонстрируют семантическое и синтаксическое поведение, характерное для финитных форм (о таких случаях см., в частности, [Калинина 1998; 2001; Nikolaeva 2007b; Evans 2007; Creissels 2009]).

В настоящей работе типологический многофакторный подход к понятиям финитности и нефинитности и в частности критерии, предложенные И. Николаевой, применяются к материалу литовского языка – одного из «классических» индоевропейских языков, обладающего богатым набором глагольных форм, традиционно трактуемых как нефинитные. Глагольные формы литовского языка, традиционно называемые «причастиями», демонстрируют весьма нетривиальное поведение, в разных своих функциях выступая, как будет показано, с разным набором признаков финитности и нефинитности. Основная задача данной статьи – проанализировать морфосинтаксические признаки (не)финитности литовских причастий в разных классах их употреблений и показать, во-первых, что эти глагольные формы нельзя рассматривать как однозначно нефинитные, и во-вторых, что морфосинтаксические признаки литовских причастий определяются конкретными конструкциями, в которых они выступают.

В разделе 1 дается краткий обзор литовских причастий, их основных морфологических особенностей и важнейших контекстов употребления. В разделах 2–4 последовательно рассматриваются морфосинтаксические признаки причастий в трех основных типах употребления: в позиции независимого сказуемого эвиденциальных конструкций, в позиции сказуемого зависимых предикаций и в составе аналитических глагольных форм. В разделе 5 результаты исследования сводятся воедино и обсуждаются.

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ЛИТОВСКИХ ПРИЧАСТИЯХ

Сравнительно с другими современными индоевропейскими языками (включая его ближайших родственников латышский, см. [Nau 1998: 42–47], и латгальский, см. [Nau 2011: 57–62]) литовский обладает весьма богатой системой неличных (т.е. не имеющих показателей лично-числового согласования с подлежащим) глагольных форм. Сюда относятся: инфинитив с суффиксом *-ti*, согласуемые конвербы с суффиксами *-dam(as)* (см. [Вимер 2004] и также § 4) и *-in(as)* (см. [Gliwa 2003]), продуктивное отглагольное имя с распределенными по словоизменительным классам глаголов суффиксами *-im(as)/-um(as)*, герундив ('такой, который должен быть подвергнут действию V') с суффиксом *-tin(as)* и, наконец, целая система причастий, о которых см., в частности, [Klimas 1987; Амбразас 1990; Wiemer 2001; Вимер 2007: 201–216]. Ниже речь пойдет по преимуществу о причастиях.

Причастия в литовском языке традиционно определяются как глагольные формы, обладающие категориями времени и залога и, подобно прилагательным (но с рядом формальных особенностей, см. ниже), способные изменяться по роду, числу, падежу и определенности, но не имеющие свойственных морфологически финитным глагольным формам категорий наклонения и лица. Активные причастия подразделяются на согласуемые и несогласуемые. Образование причастий в литовском языке абсолютно продуктивно: полная парадигма причастий всех времен обоих залогов образуется (по крайней мере, потенциально) от любого глагола вне зависимости от его аспектуального класса или переходности. В принципе корректным является сугубо формальное определение причастий как глагольных форм со следующими показателями: *-nt-* (активные причастия настоящего и будущего времени), *-us-* (активные причастия прошедшего времени), *-m-* (пассивные причастия настоящего и будущего времени) и *-t-* (пассивные причастия прошедшего времени). Все эти показатели присоединяются к основам соответствующих времен, за исключением суффикса *-t-*, присоединяющегося непосредственно к корню или словообразовательному суффиксу (о литовских глагольных основах см. [Arkadiev 2012a]). К причастиям также примыкает и вступает с ними в парадигматические отношения уже упомянутый конверб с суффиксом *-dam-*, который используется в обстоятельственных клаузах со значением таксиса одновременности и субъектом, обязательно совпадающим с номинативным подлежащим вышестоящей предикации. Об этой форме по необходимости пойдет речь в п. 4.1, однако ее свойства с точки зрения критериев финитности изучаться не будут, так как в силу своей функциональной ограниченности конверб на *-dam-* демонстрирует гомогенный набор признаков нефинитности.

Парадигма литовских причастий (глагол *sakyti* ‘сказать’)

	Активные		Пассивные (m)
	согласуемые (m, f)	несогласуемые	
презенс	<i>sakąs, sakanti</i>	<i>sakant</i>	<i>sakomas</i>
претерит	<i>sakęs, sakiusi</i>	<i>sakius</i>	<i>sakytas</i>
хабитуальное прошедшее	<i>sakydavęs, sakydavusi</i>	<i>sakydavus</i>	–
футурум	<i>sakysiąs, sakysianti</i>	<i>sakysiant</i>	<i>sakysimas</i>

Схематическая парадигма причастий литовского глагола приведена в таблице 1 на примере глагола *sakyti* ‘сказать’. В таблицах 2–5 приведены полные парадигмы склонения согласуемых активных причастий настоящего и прошедшего времени, пассивного причастия прошедшего времени, а также, для сравнения, одна из парадигм склонения прилагательных. Как видно из таблиц, пассивные причастия склоняются в точности как прилагательные, а активные причастия имеют особые («короткие») формы в номинативе обоих чисел мужского рода; при этом у причастий настоящего и будущего времени эти особые формы типа *sakąs* выступают в основном в предикативных синтаксических контекстах, в то время как в атрибутивной позиции используются «длинные» формы типа *sakantis*.

Таблица 2

Парадигма склонения активного причастия настоящего времени

	мужской род		женский род	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Nom	<i>sakąs ~ sakantis</i>	<i>saką ~ sakantys</i>	<i>sakanti</i>	<i>sakančios</i>
Gen	<i>sakančio</i>	<i>sakančių</i>	<i>sakančios</i>	<i>sakančių</i>
Dat	<i>sakančiam</i>	<i>sakantiems</i>	<i>sakančiai</i>	<i>sakančioms</i>
Acc	<i>sakantį</i>	<i>sakančius</i>	<i>sakančią</i>	<i>sakančias</i>
Ins	<i>sakančiu</i>	<i>sakančiais</i>	<i>sakančia</i>	<i>sakančiomis</i>
Loc	<i>sakančiame</i>	<i>sakančiuose</i>	<i>sakančioje</i>	<i>sakančiose</i>
форма дефолтного согласования: <i>saką</i>				

Таблица 3

Парадигма склонения активного причастия прошедшего времени

	мужской род		женский род	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Nom	<i>sakęs</i>	<i>sakę</i>	<i>sakiusi</i>	<i>sakiusios</i>
Gen	<i>sakiusio</i>	<i>sakiusių</i>	<i>sakiusios</i>	<i>sakiusių</i>
Dat	<i>sakiusiam</i>	<i>sakiusiems</i>	<i>sakiusiai</i>	<i>sakiusioms</i>
Acc	<i>sakiusį</i>	<i>sakiusius</i>	<i>sakiusią</i>	<i>sakiusias</i>
Ins	<i>sakiusiu</i>	<i>sakiusiais</i>	<i>sakiusia</i>	<i>sakiusiomis</i>
Loc	<i>sakiusiame</i>	<i>sakiusiuose</i>	<i>sakiusioje</i>	<i>sakiusiose</i>
форма дефолтного согласования: <i>sakę</i>				

Парадигма склонения пассивного причастия прошедшего времени

	мужской род		женский род	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Nom	<i>sakytas</i>	<i>sakyti</i>	<i>sakyta</i>	<i>sakytos</i>
Gen	<i>sakyto</i>	<i>sakytu</i>	<i>sakytos</i>	<i>sakytu</i>
Dat	<i>sakytam</i>	<i>sakytiems</i>	<i>sakytai</i>	<i>sakytoms</i>
Acc	<i>sakytą</i>	<i>sakytus</i>	<i>sakytą</i>	<i>sakytas</i>
Ins	<i>sakytu</i>	<i>sakytais</i>	<i>sakyta</i>	<i>sakytomis</i>
Loc	<i>sakytame</i>	<i>sakytuose</i>	<i>sakytoje</i>	<i>sakytose</i>
форма дефолтного согласования: <i>sakyta</i>				

Таблица 5

Парадигма склонения прилагательного *aukštas* 'высокий'

	мужской род		женский род	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Nom	<i>aukštas</i>	<i>aukšti</i>	<i>aukšta</i>	<i>aukštos</i>
Gen	<i>aukšto</i>	<i>aukštų</i>	<i>aukštos</i>	<i>aukštų</i>
Dat	<i>aukštam</i>	<i>aukštiems</i>	<i>aukštai</i>	<i>aukštomis</i>
Acc	<i>aukštą</i>	<i>aukštus</i>	<i>aukštą</i>	<i>aukštas</i>
Ins	<i>aukštu</i>	<i>aukštais</i>	<i>aukšta</i>	<i>aukštomis</i>
Loc	<i>aukštame</i>	<i>aukštuose</i>	<i>aukštoje</i>	<i>aukštose</i>
форма дефолтного согласования: <i>aukšta</i>				

Необходимо остановиться на нетривиальном противопоставлении несогласуемых причастий и форм дефолтного согласования. Первые представлены лишь у активных причастий и в традиционной грамматике называются «деепричастиями» (ср. [Амбразас 1985: 317–321]; в англоязычной грамматике [Ambrzas 1997: 339–340] наряду с термином «gerund» «деепричастие» используется термин «несклоняемое активное причастие» «indeclinable active participle»). Несогласуемые причастия содержат показатель причастия (-*nt* или -*us*) в «голом виде», без каких-либо флексий рода-числа-падежа, и употребляются лишь в функции вершины актантажной или обстоятельственной предикации, субъект которой не совпадает с номинативным субъектом матричной клаузы⁵ (подробнее см. раздел 4), ср. пример (1) (аккузативный субъект причастного актанта подчеркнут).

⁵ В этом смысле использование по отношению к этим формам русского термина «деепричастие» кажется крайне неудачным с точки зрения как теории, так и практики преподавания языка, поскольку русские деепричастия и литовские несогласуемые активные причастия, в силу односубъектности первых и разносубъектности вторых, практически никогда не служат переводными эквивалентами друг друга.

- (1) Prisinim-iau [sen-e] sak-ius,
вспомнить-PST.1SG старуха-ACC.SG сказать-PST.PA
kad jokiū būdu neičiau pro užpakalines duris].
‘Я вспомнил, что старуха говорила, чтобы я ни за что не ходил через заднюю дверь’⁶.

Напротив, формы дефолтного согласования (традиционно именуемые формами «среднего рода», см. [Амбразас 1985: 114–116]), которые в литовском языке имеются не только у всех причастий, но также у всех прилагательных, содержат специальный показатель (= форма мужского рода единственного числа без конечного /s/) и используются в позиции предиката или компонента аналитической глагольной формы при отсутствии в клаузе допустимого контролера согласования, т.е. в общем случае именной группы в номинативе, охарактеризованной по признаку рода. В частности, форма дефолтного согласования появляется в конструкциях с субъектом, выраженным клаузой, пример (2), неодушевленными указательными, неопределенными или вопросительно-относительными местоимениями, пример (3), а также при характерных для литовского языка предикатах без актанта в номинативе (см. о них, в частности, [Holvoet 2013; Wiemer, Bjarnadóttir 2014]), пример (4).

- (2) Mums buv-o saky-t-a, kad niek-am – nè žodži-o.
мы:DAT AUX-PST(3) сказать-PST.PP-DF что никто-DAT ни слово-GEN.SG
‘Нам было сказано, что никому – ни слова’.
- (3) Du mylimiausi mokiniai ... – Ananda ir Upalis –
radiktav-o, k-as Mokytoj-o buv-o saky-t-a.
продиктовать-PST(3) что-NOM учитель-GEN.SG AUX-PST(3) сказать-PST.PP-DF
‘Два любимых ученика – Ананда и Упал – продиктовали, что было сказано Учителем’.
- (4) ...j-iems bū-tų reikėj-ę daug laik-o...
3-DAT.PL.M AUX-IRR(3) быть.нужным-PST.PA.DF много время-GEN.SG
‘...им было бы нужно много времени...’

Синтаксических контекстов, в которых несогласуемые причастия конкурировали бы с дефолтными формами, в литовском языке очень мало; один из них – конструкция с фазовым глаголом *liautis* ‘перестать’, которая будет рассмотрена в разделе 5.

Причастия в литовском языке способны к лексикализации, которой сопутствуют адъективация и субстантивация, ср. *suaugęs* ‘взрослый’, букв. «выросший» (вырасти:PST.PA), *suprantamas* ‘понятный’, букв. «понимаемый» (понять:PRS.PP), *sekantis* ‘следующий’, (следовать:PRS.PA); некоторые литовские прилагательные исторически являются пассивными причастиями прошедшего времени от непереходных глаголов изменения состояния, ср. *baltas* ‘белый’ < *balti* ‘становиться белее’, *šaltas* ‘холодный’ < *šalti* ‘становиться холоднее’. Адъективированные пассивные причастия способны, подобно качественным прилагательным, изменяться по степеням сравнения, ср. *suprant-am-esn-is* ‘более понятный’ (понять-PRS.PP-COMP-NOM.SG.M), *suprant-am-iaus-ias* ‘самый понятный’ (понять-PRS.PP-SPRL-NOM.SG.M). Активные причастия, насколько можно судить, не допускают изменения по степеням сравнения даже в случае сильной лексикализации⁷.

⁶ В дальнейшем все примеры, если не указано иное, взяты из корпуса литовского языка, <http://tekstynas.vdu.lt/tekstynas/>

⁷ В грамматике А. Шлейхера [Schleicher 1856: 148] упоминается форма *pavarg-esn-is* ‘более усталый’ (устать:PST.PA)-COMP-NOM.SG.M < *pavargęs* ‘усталый’, букв. «уставший» в качестве «редкой»; за пределами этого труда данная форма, однако, не встретилась. Стоит обратить внимание, что в отмеченной Шлейхером форме показатель активного причастия прошедшего времени, строго говоря, отсутствует. Выражение соответствующего значения, разумеется, возможно с помощью лексических средств, например обстоятельства степени *labiau*, ср. *dar labiau išsigandęs* ‘еще более испуганный’.

Литовские причастия исключительно полифункциональны (обзоры употреблений причастий см. в уже упомянутых работах) и, как будет показано ниже, в разных контекстах демонстрируют различную степень (не)финитности в принятом здесь ее градуальном понимании. Можно выделить три основных класса употреблений причастий (лишь отчасти пересекающиеся с классификацией, принятой в литуанистике, см., например, [Амбразас 1990]), в соответствии с которыми будет строиться дальнейшее изложение:

- (i) причастия в функции независимого сказуемого в эвиденциальных конструкциях;
- (ii) причастия в функции зависимого сказуемого актантных, обстоятельственных и атрибутивных предикаций;
- (iii) причастия в функции лексического компонента аналитических глагольных форм.

При анализе признаков (не)финитности литовских причастий я буду опираться на приведенный выше список критериев, предложенный И. Николаевой. Из этих критериев меня будут в первую очередь интересовать морфосинтаксические параметры, как-то: (C1) полная vs. редуцированная парадигма времен (как синтетических, так и аналитических) и (C12) независимая темпоральная интерпретация, (C2) характер согласования с субъектом (хотя причастия не имеют категории лица, они способны согласоваться с субъектом по числу и роду, и это согласование наличествует не во всех случаях), (C7) падежное оформление субъекта и (C9) допустимость выраженного субъекта, а также такой критерий собственно нефинитности, как полнота парадигмы именного склонения; критерии (C4) (маркирование вежливости) и (C5) (маркирование эвиденциальности) к литовскому материалу неприменимы, поскольку в литовском отсутствует грамматическое кодирование вежливости, а для выражения эвиденциальности используются сами причастия; по критерию (C3) (маркирование наклонения и иллокутивной силы) литовские причастия во всех своих употреблениях имеют отрицательное значение (см., правда, замечания в § 2). Критерий (C6) (маркирование переключения референции, *switch reference*, см. [Haiman, Munro 1983]) оказывается релевантен для употреблений причастий в позиции сказуемого зависимой предикации и также будет рассмотрен. Семантические критерии (C11) и (C13), связанные с ассертивностью и коммуникативной структурой, исследоваться не будут. Не входящий в список И. Николаевой, но применимый к литовскому материалу критерий сочетаемости с отрицанием также не рассматривается, поскольку литовские причастия во всех своих употреблениях (за рядом исключений, не связанных напрямую с другими критериями финитности) свободно сочетаются с использующимся для отрицания личных форм префиксом *ne-*, также как и с другими «внешними» (словоизменительными) префиксами – рестриктивным *te-* [Arkadiev 2010; Аркадьев в печати а] и континуативным *be-* [Arkadiev 2011; Аркадьев 2012: 85–88].

2. «ФИНИТНЫЕ» ПРИЧАСТИЯ В ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Причастия в литовском языке могут выступать в позиции основного сказуемого (без связки или вспомогательного глагола в личной форме) для выражения косвенной эвиденциальности (репортивной, инферентивной и адмиративной), см. подробнее [Амбразас 1985: 231–235; Litvinow 1989; Gronemeyer 1997; Wiemer 1998; 2006a; Вимер 2007; Holvoet 2001; 2007: Ch. 4, 5]. Употребление нефинитных форм в эвиденциальной функции является ареальной чертой восточной Балтии, будучи представлено также в латышском и эстонском языках, см. [Wälchli 2000; Kehayov 2008]; кодирование непрямой эвиденциальности или иных значений, связанных с пониженной степенью ассертивности [Калинина 2001: 202], при помощи морфологически нефинитных форм довольно широко распространено в языках мира, см. [Aikhenvald 2004: 117–119]. В литовском выделяется два типа эвиденциальных конструкций, которые можно назвать «нейтральными» и «безлично-пассивными». Ниже меня будут интересовать лишь морфосинтаксические особенности литовских эвиденциальных конструкций, от семантики которых я буду полностью отвлекаться.

«Нейтральные» эвиденциальные конструкции отличаются от соответствующих неэвиденциальных лишь морфологией сказуемого (причастие вместо личной формы соответствующего времени); на выражение и оформление актантов не накладывается никаких специальных ограничений. Причастие при этом согласуется с номинативным субъектом в роде, числе (и падеже). Примеры (5)–(8) иллюстрируют нейтральные эвиденциальные конструкции всех синтетических времен.

Презенс

- (5) Dar niekas man nesak-ė, kad aš **gyven-ąs** iliuzij-omis.
что я:NOM ЖИТЬ-PRS.PA.NOM.SG.M ИЛЛЮЗИЯ-INS.PL
 ‘Еще никто мне не говорил, что я, мол, живу иллюзиями’.

Претерит

- (6) Jau, matyt t-ie vaik-ai rupkiuk-ai pup-ose
уже видать DEM-NOM.PL.M ребенок-NOM.PL негодник-NOM.PL боб-LOC.PL
buv-ę: didžiausi-os bryd-ės palik-t-os.
быть-PST.PA.NOM.PL.M большущий-NOM.PL.F след-NOM.PL оставить-PST.PP-NOM.PL.F
 ‘Уже, видно, эти негодники дети были в бобах: большущие следы оставлены’ [Амбразас 1985: 234].

Хабитуалис-в-прошедшем

- (7) Kartkarčiais čia **atvažiuo-dav-ęs,** tar-ė, bet
время_от_времени сюда приехать-НАВ-PST.PA.NOM.SG.M сказать-PST(3) но
 gana getai.
 довольно редко
 ‘«Время от времени он сюда приезжал, сказал он, но довольно редко»’.

Футурум

- (8) Valgant Karina Štolovski papasakojo,
 kad savaitgal-į j-ą **aplanky-si-ą** tėv-ai...
что конец.недели-ACC.SG 3-ACC.SG.F посетить-FUT-PA.NOM.PL.M отец-NOM.PL
 ‘За едой Карина Штоловски рассказала, что на выходных ее навещают родители’.

Нужно отметить, что поскольку в литовском языке представлено регулярное и, насколько можно судить, факультативное опущение формы презенса вспомогательно-го глагола в формах перфекта /результатива (состоящих из вспомогательного глагола ‘быть’ и причастия претерита, см. о них подробнее в разделе 5), примеры типа (6) с причастием прошедшего времени в позиции сказуемого потенциально имеют две различные интерпретации, разграничение которых зачастую возможно лишь с опорой на контекст: простой претерит косвенной эвиденциальности и презенс результатива (см., например, [Сведенцова 2003]), ср. пример (9), в котором предпочтительно результативное прочтение, а значение косвенной эвиденциальности, напротив, маловероятно.

- (9) Aš **apsireng-us-i** ispanišk-ą striuk-ę...
я:NOM надеть-RFL-PST.PA.NOM.SG.F испанский-ACC.SG куртка-ACC.SG
 ‘Я одета [букв. «надевшая-себе»] в испанскую куртку...’

Наряду с синтетическими, в эвиденциальных конструкциях допускаются и аналитические глагольные формы; в этом случае вспомогательный глагол выступает в причастной форме. Ср. примеры (10) и (11).

Перфект

- (10) Vieni šneka, kad j-is **es-ąs** **kil-ęs**
что 3-NOM.SG.M AUX-PRS.PA.NOM.SG.M подниматься-PST.PA.NOM.SG.M
 iš senos ir garsios juodųjų lokių giminės, kuri kitados gyvenusį šiuose kalnuose...
 ‘Одни говорят, что он якобы происходит из знаменитого рода черных медведей, который в прежние времена жил в этих холмах...’

менную парадигму безлично-пассивных эвиденциальных конструкций следует считать редуцированной. Ср. примеры (15)–(18).

- Презенс
- (15) Girdėj-au, j-o miest-e nam-as stat-o-m-a.
 слышать-PST.1SG 3-GEN.SG.M город-LOC.SG дом-NOM.SG строить-PRS-PP-DF
 ‘Я слышал, он в городе строит дом’ [Ambrasas 1997: 281].
- (16) Mam-os_i jau es-a-m-a savo_i kaim-e.
 мама-GEN.SG уже быть-PRS-PP-DF свой деревня-LOC.SG
 ‘Мама уже, говорят, в своей деревне’ [Timberlake 1982: 516].
- Претерит
- (17) Gal Jonuk-o t-ie gryb-ai atneš-t-a.
 может Йонукас-GEN.SG DEM-NOM.PL.M гриб-NOM.PL принести-PST.PP-DF
 ‘Может, это Йонукас принес те грибы’ [Ambrasas 1997: 281].
- Футурум
- (18) Taiği es-a-m-a ir bū-si-m-a bedarbi-ų armij-os...
 также быть-PRS-PP-DF и быть-FUT-PP-DF безработный-GEN.PL армия-GEN.SG
 ‘Также есть и будет армия безработных...’

Наиболее нетривиальное с теоретической и типологической точки зрения свойство литовских безлично-пассивных эвиденциальных конструкций состоит в том, что они образуются в том числе и от собственно пассивных конструкций, как личных, строящихся на основе переходных глаголов, пример (19), так и безличных, образующихся от непереходных глаголов, пример (20). При этом в «двойных» пассивах на основе переходных глаголов пассивное причастие смыслового глагола согласуется по роду, числу и падежу (генитиву) с субъектом пассивной конструкции (= исходным прямым объектом), а в безлично-пассивной эвиденциальной конструкции, образованной от безлично-го пассива, субъект которого (= исходный субъект непереходного глагола) уже на «первом круге» пассивизации оформлен генитивом, оба причастия – как вспомогательного глагола, так и смыслового – выступают в форме дефолтного согласования.

- (19) ...pasirod-o kuodeli-o užbur-t-o bū-t-a.
 оказаться-PST(3) кудель-GEN.SG заколдовать-PST.PP.GEN.SG.M AUX-PST.PP-DF
 ‘Оказалось, кудель-то была заколдована’ («Eglė žalčiū karalienė»⁸).
- (20) J-o bū-t-a išei-t-a.
 3-GEN.SG.M AUX-PST.PP-DF уйти-PST.PP-DF
 ‘Говорят, он ушел’ [Ambrasas 1997: 284].

Признаки (не)финитности литовских причастий в эвиденциальной функции суммируются в таблице 6. Отдельно необходимо прокомментировать признак С8 (независимая предикация), поскольку значительная часть приведенных в этом разделе примеров иллюстрировали употребление эвиденциальных причастий в вводимых изъяснительными союзами зависимых предикациях при глаголах речи, ср. примеры (5), (8), (12). Тем не менее, как показывают примеры (6), (7), (13), (16), (18), эвиденциальные причастия свободно используются и в независимом предложении, как в нейтральной, так и в безлично-пассивной конструкции, и имеют при этом независимую временную референцию.

Таким образом, причастия в литовских эвиденциальных конструкциях в максимальной степени приближаются к собственно финитным формам, выполняя их основную функцию – выражение сказуемого независимого предложения – и демонстрируя максимум характерных для них морфосинтаксических свойств. В этом смысле литовский язык

⁸ <http://www.pasakos.lt/sakmes-pdavimai/egle-zalciu-karaliene-2/>

Признаки (не)финитности эвиденциальных причастий

признак	«нейтральная» конструкция	«безлично-пассивная» конструкция	личные формы
C1 (маркирование времени)	полное	редуцированное	полное
C2 (согласование)	+ (род, число)	–	+ (лицо, число)
C3 (маркирование наклонения)	– (+ в диалектах)	–	+
C7 (номинативный субъект)	+	–	+
C8 (независимая клауза)	+	+	+
C9 (допустимость субъекта)	+	+	+
C12 (независимая временная референция)	+	+	+
именная парадигма	редуцирована (NOM, PRED)	фиксирована (PRED)	–

относится к выделенному в работе [Калинина 1998: 108] типу языков, к которым не применим основной традиционный дистрибутивный критерий финитности – способность глагольной формы возглавлять независимое предложение. При этом, как с наглядностью следует из таблицы 6, причастия в нейтральной и в безлично-пассивной конструкциях обладают существенно различными наборами морфосинтаксических свойств: причастия в нейтральных эвиденциальных конструкциях по целому ряду признаков ближе к «идеалу» финитности, чем причастия в безлично-пассивных эвиденциальных конструкциях.

3. ПРИЧАСТИЯ В ФУНКЦИИ СКАЗУЕМОГО ЗАВИСИМОЙ КЛАУЗЫ

Причастия в литовском языке регулярно выступают в позиции предиката зависимой клаузы. Эти употребления, в свою очередь, можно разделить на, с одной стороны, актантные и обстоятельственные, демонстрирующие ряд важных сходств, и, с другой стороны, атрибутивные, отличающиеся от первого типа целым рядом существенных признаков. Такое деление в принципе соотносится с традиционной для литуанистики классификацией употреблений причастий на «атрибутивные» и «полупредикативные», в свою очередь подразделяемые на «обстоятельственные» и «изъяснительные» (см. [Амбразас 1985: 306, 312]). Дальнейшее изложение будет строиться в соответствии с указанным противопоставлением.

3.1. Актантные и обстоятельственные причастные клаузы

Литовские причастия могут выступать в качестве вершины сентенциальных сир-константов, интерпретация которых (темпоральная, условная, уступительная и т.п.) обычно определяется контекстом («contextual converbs» в терминологии [Nedjalkov 1995: 106, 108–109]), а также сентенциальных актантов при предикатах речи, мысли и восприятия. Подробнее о синтаксисе этих конструкций см. [Амбразас 1990: 98–179;

Признаки актантных и обстоятельственных причастных конструкций

		согласование	оформление субъекта
односубъектные	актантные	+	∅
	обстоятельственные	+	∅
разносубъектные	актантные	–	ACC
	обстоятельственные	–	DAT

Gronemeyer, Usonienė 2001: 108–112, 116–120; Greenberg, Lavine 2006; Вимер 2009: 179–200; Аркадьев 2011, в печати б; Arkadiev 2012b; 2013].

Основные морфосинтаксические противопоставления в данных употреблениях причастий проходят по признакам «наличие vs. отсутствие согласования» и «выражение подлежащего». Признак [\pm согласование] функционирует как своего рода механизм переключения референции: согласование по роду и числу (при этом причастие имеет фиксированную форму номинатива) присутствует лишь тогда, когда (нулевой) субъект причастия совпадает с номинативным подлежащим главной клаузы, в противном случае используются несогласуемые причастия (единственное исключение – конструкции со значением непосредственного чувственного восприятия, где причастия настоящего времени могут согласоваться с аккузативным объектом матричного глагола; эти конструкции будут рассмотрены ниже отдельно). Основное же поверхностное различие между причастными актантами и сирконстантами состоит в падежном оформлении их субъектов: у актантов субъект выражен аккузативом, а у сирконстантов – дативом. Указанные морфосинтаксические признаки актантных и сирконстантных причастных конструкций суммированы в таблице 7.

В обоих типах конструкций формы причастий имеют таксисную интерпретацию: их временная референция соотносится с таковой главного предиката, а не с моментом речи. Если в актантных конструкциях при глаголах речи и мысли употребляются причастия любых времен⁹, в том числе аналитических, то в сирконстантных конструкциях используются практически лишь причастия настоящего и простого прошедшего времени (ср. неграмматичный пример (26) с футуральным причастием). При этом в односубъектных сирконстантных конструкциях вместо причастий настоящего времени выступает конверб одновременности на *-dam(as)*, ср. пример (21).

Нижеследующие примеры иллюстрируют односубъектные и разносубъектные сирконстантные причастные конструкции с таксисными значениями одновременности и предшествования.

1.1. Сирконстантные односубъектные конструкции

Презенс (конверб): таксис одновременности

- (21) **Persireng-dam-a** j-i pasižiūr-i i veidrod-i.
 переодеваться-CNV-SG.F 3-NOM.SG.F посмотреться-PRS(3) в зеркало-ACC.SG
 ‘Переодеваясь, она смотрит на себя в зеркало’.

⁹ Как справедливо указывает рецензент, при матричных глаголах восприятия временная интерпретация зависимой клаузы логически ограничена одновременностью воспринимаемой ситуации акту восприятия, см., например, [Cristofaro 2003: 111], так что при таких глаголах должны выступать лишь причастия настоящего времени. В действительности ситуация обстоит сложнее; одновременность главной и зависимой ситуаций требуется для таких матричных глаголов лишь в их прямом значении непосредственного чувственного восприятия, в то время как в значении ‘получение информации’ ограничения на временную референцию вложенной ситуации снимаются (см. об этом применительно к литовскому [Usonienė 2001; Arkadiev 2012b: 294]).

- Претерит: таксис предшествования
- (22) [**Prisimaudži-usi-os**, **prisiplaukioj-usi-os**] išlip-o mergel-ės
 накупаться-PST.PA-NOM.PL.F наплаваться-PST.PA-NOM.SG.F вылезти-PST(3) девушка-NOM.PL
 į krantą ir rengiasi.
 ‘Накупавшись, наплававшись, вылезли девушки на берег и одеваются’ («Eglė žalčią karalienę»).

- Пассивное причастие претерита: таксис предшествования
- (23) [**Paleis-t-as** iš kalėjim-o] vert-ė-si
 выпустить-PST.PP-NOM.SG.M из заключение-GEN.SG заниматься-PST(3)-RFL
 gydytojo praktika.
 ‘Когда его выпустили из заключения, он занимался врачебной практикой’.

1.2. Сирконстантные разносубъектные конструкции

- Презенс: таксис одновременности
- (24) [Man su Povil-u **lank-a-nt** Baltarusij-os lietuvi-us], ne
 я:DAT с Павел-INS.SG посещать-PRS-PA Белоруссия-GEN.SG литовец-ACC.PL не
 kart-ą siūly-t-a išger-ti svaigal-ų.
 раз-ACC.SG предлагать-PST.PP-DF выпить-INF спиртное-GEN.PL
 ‘Когда мы с Павлом посещали белорусских литовцев, нам не раз предлагалось выпить спиртного’.

- Претерит: таксис предшествования
- (25) [Vyr-ui **parėj-us**], Iren-a sėdėj-o virtuv-ėje...
 муж-DAT.SG прийти-домой-PST.PA Ирена-NOM.SG сидеть-PST(3) кухня-LOC.SG
 ‘Когда муж пришел домой, Ирена сидела на кухне...’

- Футурум: недопустим
- (26) *[Saul-ei **nusileisi-ant**], atsigul-ė-me.
 солнце-DAT.SG опуститься-FUT-PA лечь-PST(3)-1PL
 ожидаемое значение: ‘Перед тем как зашло солнце, мы легли’.

Тем не менее единичные примеры использования в сирконстантных клаузах фуптуральных причастий все же встречаются в предикациях, вводимых подчинительным союзом *prieš* ‘перед тем как’, ср. пример (27). (Ср. ниже о клаузах, вводимых другим подчинительным союзом *užuot* ‘вместо того чтобы’.) Как правило, при данном союзе выступает конверб одновременности (при односубъектности), ср. пример (28), или неогласуемое причастие настоящего времени (при разносубъектности), ср. пример (29).

- (27) [**Prieš** pat uždang-ai **nusileisi-ant**], sujund-a grab-as.
 перед сам занавес-DAT.SG опуститься-FUT-PA зашевелиться-PRS(3) гроб-NOM.SG
 ‘Перед тем как опустится занавес, гроб начинает шевелиться’ (В. Sruoga. «Milžino paunksmė». III¹⁰).

- (28) ...[**prieš** **ei-dam-i** gul-ti], j-ie pabučiuo-dav-o
 перед идти-CNV-PL.M ложиться-INF 3-NOM.PL.M поцеловать-НАВ-PST(3)
 savo tėvams ranką.
 ‘Перед тем как идти ложиться, они целовали своим родителям руку’.

- (29) Kodėl praus-ei-si po duš-u ir persireng-ei
 почему мыть-PST.2SG-RFL под душ-INS.SG и переодеться-PST.2SG
 [**prieš** man **atein-a-nt** pas jus]?
 перед я:DAT прийти-PRS-PA к вы:ACC
 ‘Почему ты мылась под душем и переоделась перед тем, как я пришел к вам?’

¹⁰ <http://www.antologija.lt/texts/38/tekstas/10.html>

Отдельная разновидность обстоятельственных причастных конструкций – клаузы с союзом *užuot* ‘вместо того чтобы’, в которых выступают лишь причастия прошедшего времени (ср. [Вимер 2009: 193]). Субъект причастия в конструкциях с союзом *užuot* всегда нулевой и совпадает с субъектом главной предикации; если последний выражен номинативом, причастие согласуется с ним по общему правилу, ср. пример (30), иначе выступает в несогласуемой форме, ср. пример (31).

(30) Ar, [užuot gav-us-i tiek daug], ne-gau-s-iu niek-o
 Q вместо получить-PST.PA-NOM.SG.F столько много NEG-получить-FUT-1SG ничто-GEN
 ir dar pateksiu į nemalonę?
 ‘Неужели, вместо того чтобы получить так много, я не получу ничего и еще попаду в беду?’

(31) ...[užuot ėm-us nekęs-ti], man j-os pagail-o.
 вместо взять-PST.PA ненавидеть-INF я:DAT 3-GEN.SG.F пожалеть-PST(3)
 ‘...вместо того чтобы начать ненавидеть, мне стало ее жаль’.

Перейдем к актантным конструкциям при глаголах речи и мысли. В них, как уже говорилось, в отличие от сирконстантных конструкций, допускаются причастия всех времен с любой таксисной интерпретацией, и в том числе причастия, образованные от аналитических конструкций пассива, перфекта и авертива.

1.3. Актантные односубъектные конструкции

Презенс: таксис одновременности

(32) Kažkur-is skund-ė-si [gyven-ąs praeit-imi
 кто-то-NOM.SG.M жаловаться-PST(3)-RFL жить-PRS.PA.NOM.SG.M прошлое-INS.SG
 ir ne-gal-įs j-os atsikraty-ti].
 и NEG-мочь-PRS.PA.NOM.SG.M 3-GEN.SG.F избавиться-INF
 ‘Кто-то жаловался, что живет прошлым и не может от него избавиться’.

Претерит: таксис предшествования

(33) T-uo met-u sak-o-si [dirb-ęs Los Alamos
 DEM-INS.SG.M время-INS.SG сказать-PST(3)-RFL работать-PST.PA.NOM.SG.M Лос Аламос
 Nacionalin-ėje laboratorij-oje].
 национальный-LOC.SG.F лаборатория-LOC.SG
 ‘Он говорит, что в то время работал в Национальной лаборатории в Лос-Аламосе’¹¹.

Хабитуалис-в-прошедшем: таксис предшествования

(34) Vaikin-as pasakojo [ei-dav-ęs su išties-t-a
 парень-NOM.SG рассказывать-PST(3) идти-НАВ-PST.PA.NOM.SG.M с протянуть-PST.PP-INS.SG.F
 rank-a ir prašy-dav-ęs pinig-ų].
 рука-INS.SG и просить-НАВ-PST.PA.NOM.SG.M деньги-GEN.PL
 ‘Парень рассказывал, что ходил с протянутой рукой и просил денег’.

Футурум: таксис следования

(35) Tikėj-au žmon-ė-mis, kai j-ie žadė-dav-o
 верить-PST.1SG люди-INS.PL когда 3-NOM.PL.M обещать-НАВ-PST(3)
 [padary-si-ą t-ą bei an-ą].
 сделать-FUT-PA.NOM.PL.M этот-ACC.SG и тот-ACC.SG
 ‘Я верил людям, когда они обещали сделать то или это’.

Пассив

(36) ...Vaištar-as kaimyn-ams gyv-ė-si
 Вайштарас-NOM.SG сосед-DAT.PL хвалить-PST(3)-RFL
 [buv-ęs nuvež-t-as į Maskv-ą].
 AUX-PST.PA.NOM.SG.M увезти-PST.PP-NOM.SG.M в Москва-ACC.SG
 ‘Вайштарас хвастался соседям, что был увезен в Москву’.

¹¹ <http://www.nso.lt/ufo/lazar.htm>

- Перфект-результатив
- (37) Skambin-u, j-i vis sak-o [es-a-nt-i
звонить-PRS.1SG 3-NOM.SG.F всё сказать-PRS(3) AUX-PRS-PA-NOM.SG.F
užsiēm-us-i].
занять- PST.PA-NOM.SG.F
'Звоню, а она всё говорит, что занята'.

- Авертив
- (38) Klebon-as sak-ė ... [buv-ęs be-bėg-ąš
священник-NOM.SG сказать-PST(3) AUX-PST.PA.NOM.SG.M CNT-бежать-PRS.PA.NOM.SG.M
tokiam dainininkui užčiaupti burną]...
'Священник сказал, что ... он было побежал заткнуть рот такому певчему...'

1.4. Актантные разносубъектные конструкции

- Презенс: таксис одновременности
- (39) Senov-ės žemaiči-ai tikėj-ę
старина-GEN.SG жемайт-NOM.PL верить-PST.PA.NOM.PL.M
[nam-ų kerči-ose dievaiči-us gyven-a-nt].
дом-GEN.PL угол-LOC.PL божок-ACC.PL жить-PRS-PA
'В старину жемайты, говорят, верили, что в углах домов живут духи'.

- Претерит: таксис предшествования
- (40) ...prisimin-ė [j-i buv-us labdaring-ą ir
вспомнить-PST(3) 3-ACC.SG.M быть-PST.PA благодетельный-ACC.SG.M и
malon-ų].
приятный-ACC.SG.M
'Она вспомнила, что он был щедрым и приятным'¹².

- Хабитуалис-в-прошедшем: таксис предшествования
- (41) ... skatin-a many-ti [j-ą dažnai bū-dav-us susierzinusi-a] ...
побуждать-PRS(3) думать-INF 3-ACC.SG.F часто быть-НАВ-PST.PA раздраженный-ACC.SG.F
'[это] побуждает думать, что она часто бывала раздражена...'¹³

- Футурум: таксис следования
- (42) Vis-i j-ie žadėj-o [netrukus atei-si-ant
весь-NOM.PL.M 3-NOM.PL.M обещать-PST(3) вскоре прийти-FUT-PA
pasauli-o pabaig-a].
мир-GEN.SG конец-ACC.SG
'Все они обещали, что вскоре настанет конец света'.

- Пассив
- (43) ...ir dat-a rod-o [j-i buv-us perraš-o-m-ą].
и дата-NOM.SG показывать-PRS он-ACC.SG.M AUX-PST.PA переписать-PRS-PP-ACC.SG
'...и дата показывает, что его [сборник] переписывали'.

- Перфект
- (44) ...š-is mieg-as liudij-a [j-ą es-a-nt
DEM-NOM.SG.M сон-NOM.SG свидетельствовать-PRS(3) 3-ACC.SG.F AUX-PRS-PA
mir-us-ią].
умереть-PST.PA-ACC.SG.F
'этот сон свидетельствует, что она умерла'.

Отдельного рассмотрения заслуживают актантные конструкции при глаголах со значением непосредственного чувственного восприятия, в первую очередь при глаголе 'видеть' (см. [Engiels 2009] о различиях между глаголами зрительного и слухового восприятия в отношении ограничений, накладываемых ими на вложенные ситуации).

¹² <http://www.druskonis.lt/archyvai/2001-02-23/kultura.htm>

¹³ <http://alfa.lt/straipsnis/150854>

Признаки (не)финитности актантных и обстоятельственных причастий

Признаки	обстоятельственные клаузы		актантные клаузы			личные формы
			при предикатах речи и мысли		при предика- тах восприя- тия	
	односубъ- ектные	разносубъ- ектные	односубъ- ектные	разносубъектные		
C1 (маркирование времени)	редуцированное		полное		фиксированное (PRS)	полное
C2 (согласование)	+ (род, число)	–	+ (род, число)	–	+ (род, число, ACC)	+ (лицо, число)
C3 (маркирование наклонения)	–					+
C6 (маркирование переключения референции)	+					–
C7 (номинативный субъект)	(+)	– (DAT)	(+)	– (ACC)	–	+
C8 (независимая клауза)	–					+
C9 (допустимость субъекта)	–	+	–	+	–	+
C12 (независимая временная референция)	–					+
именная парадигма	редуцирована	–	редуцирована	–	редуцирована	–

Во-первых, как уже было сказано выше, поскольку непосредственное восприятие предполагает одновременность акта восприятия и воспринимаемой ситуации, в таких конструкциях логически допускается лишь таксис одновременности и, следовательно, лишь причастия настоящего времени. Тем самым можно говорить о том, что временная парадигма причастий в составе конструкций непосредственного восприятия сильно редуцирована. Во-вторых, как показано в работе [Аркадьев 2011: 58–62], сама синтаксическая структура таких конструкций в литовском языке отличается от структуры предложений с матричными глаголами речи и мысли: если при последних аккузативная именная группа – «логический субъект» вложенной ситуации входит в состав причастной клаузы, то в случае глаголов восприятия есть все основания считать, что этот «логический субъект» выражается в позиции аккузативного прямого дополнения матричного предиката, а причастная клауза является своего рода аппозитивным определением к нему, не имеющим своего собственного субъекта. В-третьих, важен с точки зрения обсуждае-

мых здесь критериев (не)финитности тот факт, что в разносубъектных конструкциях со значением непосредственного восприятия (и, насколько я могу судить, только в них) допускаются не только несогласуемые причастия, как в примере (45), но и причастия, согласующиеся по роду, числу и аккузативу с объектом матричной клаузы, пример (46). Это может говорить как о большей степени интегрированности таких причастных клауз в главную предикацию, так и о том, что они имеют несколько больше именных свойств, чем несогласуемые причастия при матричных глаголах речи и мысли.

(45) ...tu mat-ai žmog-ų [pasilenki-a-nt prie fontan-o].
 ты: NOM видеть-PRS.2SG человек-ACC.SG склониться-PRS-PA у фонтан-GEN.SG
 ‘...ты видишь, как человек склоняется у фонтана’.

(46) An-ą nakt-į motin-ą mač-iau [sėd-i-nči-ą virtuv-ėj
 DEM-ACC.SG ночь-ACC.SG мать-ACC.SG видеть-PST.1SG сидеть-PRS-PA-ACC.SG.F кухня-LOC.SG
 ir pjaust-a-nči-ą raudon-us mėš-os gabal-us].
 и резать-PRS-PA-ACC.SG.F красный-ACC.PL.M мясо-GEN.SG кусок-ACC.PL
 ‘В ту ночь я видел мать сидящей на кухне и режущей красные куски мяса’.

Признаки (не)финитности причастий в составе неатрибутивных зависимых клауз суммированы в таблице 8, каждый столбец которой соответствует одному из подтипов конструкций, выделенных по признакам «односубъектность vs. разносубъектность» и «сентенциальный актант vs. сирконстант»; отдельный столбец занимают конструкции непосредственного восприятия. Легко видеть, что в основном морфосинтаксис конструкций коррелирует с параметром «односубъектность vs. разносубъектность»; актантные и сирконстантные конструкции различаются лишь по степени сохранения причастиями темпоральной парадигмы, которая, как представляется, обусловлена семантическими особенностями каждой из конструкций (в частности, противопоставлением валентностного и обстоятельственного таксиса, см. [Храковский 2009: 35–38], и уже упомянутыми ограничениями на временную референцию актантов глаголов непосредственного восприятия).

3.2. Определительные (релятивные) клаузы

Причастия, возглавляющие определительные клаузы, сохраняют противопоставление по временам (за исключением аналитических) и залогам (агнс при пассивных причастиях оформляется генитивом), однако имеют полную адъективную парадигму, согласуясь с вершиной не только по числу и роду, но и по падежу. Характерное для литовских прилагательных противопоставление определенных и неопределенных форм (см., например, [Holvoet, Spraunienė 2012]), насколько можно судить, свойственно лишь номинализованным причастиям, выступающим как без вершины, так и без актантов, ср. пример (49). Ниже приводятся примеры атрибутивных причастий разных времен обоих залогов; вершина релятивной конструкции, которой соответствует невыраженный субъект причастной клаузы, в примерах подчеркнута.

Активный залог

Презенс: таксис одновременности

(47) Atsigrėž-ęs mat-au [greit artėj-a-nt-į]
 обернуться-PST.PS.NOM.SG.M видеть-PRS.1SG быстро приближаться-PRS-PA-ACC.SG.M
 eržil-a.
 жеребец-ACC.SG
 ‘Обернувшись, вижу быстро приближающегося жеребца’.

Претерит: таксис предшествования

(48) [Iš mokykl-os parėj-us-io] vaik-o skub-a-me
 из школа-GEN.SG прийти-PST.PA-GEN.SG.M ребенок-GEN.SG спешить-PRS-1PL
 paklausti apie pažymius...
 ‘Вернувшегося из школы ребенка мы спешим спросить об отметках...’

Признаки (не)финитности атрибутивных причастий

признак	атрибутивные причастия	личные формы
C1 (маркирование времени)	редуцированное	полное
C2 (согласование)	+ (род, число, падеж)	+ (лицо, число)
C3 (маркирование наклонения)	–	+
C7 (номинативный субъект)	–	+
C8 (независимая клауза)	–	+
C9 (допустимость субъекта)	–	+
C12 (независимая временная референция)	–	+
именная парадигма	полная	–

- (49) ...jei... pažadė-s palik-ti gyvyb-ę vis-iems
 если обещать-FUT(3) оставить-INF жизнь-ACC.SG весь-DAT.PL.M
pasidav-us-iesiems.
 сдать-ся-PST.PA-DAT.PL.M.DEF
 ‘если ... обещает сохранить жизнь всем сдавшимся’.

Хабитуалис-в-прошедшем: таксис предшествования

- (50) ...vien-as ponait-is, [vasar-ą **atvažiuo-dav-ęs**
 один-NOM.SG.M барчук-NOM.SG лето-ACC.SG приехать-НАВ-PST.PA.NOM.SG.M
 į mūs[ų] kaim-ą].
 в наш деревня-ACC.SG
 ‘...один молодой барин, летом приезжавший в нашу деревню’.

Футурум: таксис следования

- (51) ...geriau po truputį rūpinkimės tais, kurie nesulauks
 [po 40 met-ų **atei-si-anči-o]** pagėrėjim-o.
 после 40 год-GEN.PL прийти-FUT-PA-GEN.SG.M улучшение-GEN.SG
 ‘...давайте лучше позаботимся о тех, кто не дожидется улучшения, которое наступит через 40 лет’.

Пассивный залог

Презенс: таксис одновременности

- (52) Mėgėjų komandos, neturėdamos kur žaisti, noriai dalyvavo
 [mūs-ų **renģi-a-m-uose]** turnyr-uose.
 мы-GEN устраивать-PRS-PP-LOC.PL.M турнир-LOC.PL
 ‘Команды любителей, не имея площадок для игры [в баскетбол], охотно участвовали в организуемых нами турнирах’.

Претерит: таксис предшествования

- (53) ...[valdov-o aistr-os **apakin-t-am]** Erod-ui ne-reiki-a
 владыка-GEN.SG страсть-GEN.SG ослепить-PST.PP-DAT.SG.M Ирод-DAT.SG NEG-нужно-PRS(3)
 joki-o Diev-o...
 никакой-GEN.SG.M Бог-GEN.SG
 ‘...ослепленному жаждой власти Ироду не нужно никакого Бога...’

- Футурум: таксис следования
- (54) ...kaip tur-i laiky-ti-s svarsty-si-m-ų reikal-ų
 как должен-PRS(3) держать-INF-RFL обсуждать-FUT-PP-GEN.PL дело-GEN.PL
 atžvilgi-u.
 отношение-INS.SG
 ‘...как должны держаться в отношении дел, которые будут обсуждаться’.

Признаки (не)финитности причастий в составе атрибутивных зависимых клауз суммированы в таблице 9. Как видно, атрибутивные причастия весьма значительно отстоят от «идеала» финитности, обладая, напротив, практически полной адъективной парадигмой.

* * *

В заключение данного раздела можно указать на то, что литовские причастия в позиции вершины зависимой клаузы в разной степени проявляют глагольные и именные свойства. Ближе всего к финитному полюсу располагаются разносубъектные актантные конструкции при глаголах речи и мысли, а дальше всего атрибутивные конструкции и близкие к ним разносубъектные актантные конструкции при глаголах восприятия, в то время как односубъектные актантные конструкции и оба типа сирконстантных конструкций занимают промежуточное положение.

4. ПРИЧАСТΙΑ В СОСТАВЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Основные аналитические глагольные формы в литовском – пассив, перфект-результатив и авертив – образуются при помощи вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ (форма презенса которого, как уже было сказано в разделе 3, может опускаться, что приводит к омонимии ряда аналитических форм с эвиденциальными конструкциями) и причастий презенса или претерита одного из залогов, см. таблицу 10. Подробнее о функционировании этих форм см. [Генюшене 1974; Wiemer 2004; Geniušienė 2006] о пассиве, [Генюшене, Недялков 1983; Geniušienė, Nedjalkov 1988; Wiemer, Giger 2005: 43–47; Аркадьев 2012: 98–106] о перфекте-результативе и [Sližienė 1961; Arkadiev 2011; Аркадьев 2012: 106–112] об авертиве. Необходимо подчеркнуть, что в данном разделе речь пойдет о морфосинтаксических характеристиках именно причастий в составе указанных аналитических конструкций, а не самих этих конструкций в той мере, в какой свойства причастий вообще могут быть отграничены от свойств конструкций.

Отдельно имеет смысл выделять также форму контрфактива, состоящую из сослагательного наклонения (ирреалиса) вспомогательного глагола и активного причастия прошедшего времени смыслового глагола (см., например, [Амбразас 1985: 227–229; Holvoet 2007: Ch. 3]); в большинстве случаев контрфактив формально совпадает с ирреалисом результатива (в активном залоге) или пассива, однако может быть отграничен от них по семантическим и сочетаемым критериям, а кроме того, существуют особые «сверхсложные» формы контрфактива перфекта, содержащие два вспомогательных глагола, ср. пример (55). Для дальнейшего обсуждения, однако, формы контрфактива

Таблица 10

Аналитические глагольные формы литовского языка

	форма вспомогательного глагола	форма причастия
перфект / результатив	любая	активное PST
пассив	любая	пассивное PRS или PST
авертив	в основном PST	<i>be-</i> + активное PRS

малорелевантны, поскольку причастия в них по своим морфосинтаксическим признакам не отличаются от таковых в иных аналитических конструкциях.

- (55) Suvokiau, jog to nebūtų įvykę,
jeigu t-am iš anksto **bū-čiau** **buv-us-i**
если DEM-DAT.SG.M заранее AUX-IRR.1SG AUX-PST.PA-NOM.SG.F
pasiruoš-us-i.
приготовиться-PST.PA-NOM.SG.F
'Я поняла, что этого бы не случилось, если бы я была к этому заранее готова'.

Активные причастия в составе аналитических конструкций наследуют аргументную структуру и падежное управление глагольной лексики, в том числе позицию субъекта¹⁴, а пассивные причастия закономерным образом преобразуют эту структуру (см. об этом в первую очередь [Генюшене 1974]). Причастие согласуется с подлежащим в роде, числе и падеже; в случае финитного вспомогательного глагола причастие имеет форму номинатива при номинативном подлежащем, ср. примеры (56), (58) и (59), либо форму дефолтного согласования при отсутствии такового, ср. пример (57).

Перфект / результатив

- (56) Žod-is «komunikacija» **yra** **atėjęs**
слово-NOM.SG коммуникация AUX.PRS:3 прийти-PST.PA-NOM.SG.M
iš lotynų kalbos.
'Слово «коммуникация» пришло из латинского языка'¹⁵.

Пассив

С причастием презенса – имперфективный пассив

- (57) Ar j-is išsiaiškin-a, k-as **bu-s** **stat-o-m-a**
Q 3-NOM.SG.M объясниться-PRS(3) что-NOM.SG AUX-FUT(3) строить-PRS-PP-DF
jo teritorijoje?
'Он объясняет, что будет строиться на его территории?'

С причастием претерита – перфективный/статальный пассив

- (58) Diev-o viet-oje **buv-o** **pastaty-t-as** žmog-us...
Бог-GEN.SG место-LOC.SG AUX-PST(3) поставить-PST.PP-NOM.SG.M человек-NOM.SG
'На место Бога был поставлен человек...'

Авертив

- Jau **buv-au** **be-atidar-ąs** automobili-o dur-is,
уже AUX-PST.1SG CNT-открыть-PRS.PA.NOM.SG.M автомобиль-GEN.SG дверь-ACC.PL
kaį mane pašaukė.
'Я уже собирался открывать двери автомобиля, когда меня позвали'.

В нефинитных контекстах – при безлично-пассивной эвиденциальной конструкции (см. раздел 3), в актантных причастных предикациях (см. раздел 4.1) и в инфинитивных клаузах – подлежащее и согласованное с ним причастие могут выступать в генитиве, дативе или аккузативе, ср. примеры (60)–(62).

¹⁴ В связи с этим я не могу согласиться с утверждением рецензента, что «русские формы будущего времени типа *будет неть* сочетаются с подлежащим в именительном падеже, но едва ли разумно считать, что в данном случае мы имеем дело со способностью инфинитива сочетаться с именными группами в номинативе». Разумеется, актантная структура формы будущего времени полностью предопределяется актантной структурой лексического глагола, который в данном случае выступает в инфинитиве; при отсутствии у глагола подлежащего в именительном падеже такое не возникает и в форме аналитического будущего, вспомогательный глагол в составе которой не имеет своих актантов и не способен управлять никаким падежом, ср. *мне захочется спать* ~ *мне будет хотеться спать*.

¹⁵ <http://lt.wikipedia.org/wiki/Komunikacija>

Согласование с неноминативным субъектом в нефинитных клаузах

Генитив в безлично-пассивной эвиденциальной конструкции

- (60) **Kulk-os** **bū-t-a** **išėj-us-ios** **kiaurai.**
 пуля-GEN.SG AUX-PST.PP-DF выйти-PST.PA-GEN.SG.F насквозь
 ‘Пуля, очевидно, прошла насквозь’.

Аккузатив в актантной причастной предикации

- (61) ...ir dat-a rod-o [j-i] **buv-us** **perraš-o-m-a].**
 и дата-NOM.SG показывать-PRS он-ACC.SG.M AUX-PST.PA переписать-PRS-PP-ACC.SG
 ‘...и дата показывает, что его [сборник] переписывали’ (= 43).

Датив в инфинитивной предикации

- (62) ...visada reiki-a [∅_{DAT} **bū-ti** **pasireng-us-iam** prasmeg-ti].
 всегда надо-PRS(3) AUX-INF приготовиться-PST.PA-DAT.SG.M провалиться-INF
 ‘...всегда надо быть готовым к провалу’.

К аналитическим формам примыкает конструкция с фазовым глаголом *liautis* ‘перестать’, в которой выступают активные причастия претерита (см. [Генюшене 1985]). Конструкция имеет три варианта в зависимости от типа субъекта матричного и зависимого глаголов: (i) если зависимый глагол имеет подлежащее в номинативе, а *liautis* выступает в конструкции с номинативным подлежащим, то причастие зависимого глагола согласуется стандартным образом, ср. пример (63); (ii) если вложенный глагол безличный (т. е. не имеет номинативного субъекта), его причастие выступает в форме дефолтного согласования, ср. пример (64); наконец, если сам матричный глагол выступает в конструкции без номинативного субъекта, например, в инфинитивной предикации, то вложенный предикат имеет форму несогласуемого причастия, см. пример (65).

- (63) Jūr-a **liov-ė-si** **bangav-us-i.**
 море-NOM.SG перестать-PST(3)-RFL волноваться-PST.PA-NOM.SG.F
 ‘Море перестало волноваться’.
- (64) ...tačiau galų gale **liov-ė-si** **lij-ę**
 однако в конце концов перестать-PST(3)-RFL идти.о.дожде-PST.PA.DF
 ir potvynio vandenys pradėjo slūgti.
 ‘...в конце концов перестал идти дождь и воды потопа начали спадать’¹⁶.
- (65) Mam-a **liep-ė** **liau-ti-s** **kalbėj-us** **toki-as**
 мама-NOM.SG велеть-PST(3) перестать-INF-RFL говорить-PST.PA такой-ACC.PL.F
 kvailyst-es...
 глупость-ACC.PL
 ‘Мама велела перестать говорить такие глупости’.

Признаки (не)финитности причастий в составе аналитических форм приведены в таблице 11. Как видно, причастия в конструкциях со вспомогательными глаголами сохраняют лишь немногие глагольные свойства, в первую очередь связанные с выражением аргументов, поскольку актантная структура конструкции (по крайней мере, активной) наследуется от глагольной леммы без изменений. Собственно глагольная парадигма причастия в каждой из аналитических конструкций сильно редуцирована, а именные свойства (изменение по падежам), напротив, хотя и редуцированы в сравнении с атрибутивными причастиями, все же наличествуют (следует особо подчеркнуть, что литовские причастия в составе аналитических конструкций имеют не только форму номинатива, но и – при специальных и хорошо определенных, хотя и не описанных систематически в грамматиках литовского языка, условиях – также формы трех косвенных падежей). Признак С8 (независимая клауза) у причастий в составе аналитических форм принимает отрицательное значение «тривиальный образом» – независимую клаузу способен, хотя и не обязан, формировать вспомогательный глагол, а не само

¹⁶ <http://www.archyvai.info/biblinis-tvanas-ir-nojaus-laivas/>

Признаки (не)финитности причастий в составе аналитических форм

	авертив	перфект	пассив	<i>liautis</i> + V	личные формы
C1 (маркирование времени)	фиксировано (PRS)	фиксировано (PST)	редуцировано (PRS, PST)	фиксировано (PST)	полное
C2 (согласование)	+ (род, число, падеж)			+ (род, число)	+ (лицо, число)
C3 (маркирование наклонения)	–				+
C7 (номинативный субъект)	+				+
C8 (независимая клауза)	–				+
C9 (допустимость субъекта)	+				+
C12 (независимая временная референция)	–				+
именная парадигма	редуцирована				–

причастие. Вопрос же о том, обладают ли причастия в рамках тех или иных аналитических конструкций какими-либо свойствами самостоятельных зависимых клауз, требует отдельного обсуждения.

5. ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в разделах 3–5 морфосинтаксические признаки (не)финитности различных употреблений литовских причастий сведены в обобщающую таблицу 12. Поскольку критерии (не)финитности по работе [Nikolaeva 2013] были подробно представлены в таблицах 6, 8, 9 и 11, сведение которых воедино было бы чрезвычайно громоздким и избыточным, обобщающая таблица объединяет эти критерии в содержательные группы и исключает те из них, которые для всех причастий принимают одинаковое значение (например, выражение наклонения).

Основной вывод, который можно сделать из рассмотренного материала и таблицы 12, состоит в том, что литовские причастия в целом (определяемые на основании чисто морфологических критериев, т.е., если угодно, морфемы в понимании [Arnonoff 1994; Round 2011]) нельзя однозначно трактовать как нефинитные формы: в различных своих употреблениях они демонстрируют существенно разный «баланс» глагольных и именных характеристик – от фактически финитных употреблений в эвиденциальных конструкциях до высокой степени нефинитности в атрибутивных употреблениях (не говоря уже о нередких случаях лексикализации, фактически сопровождающейся полной утратой глагольных свойств и превращением причастия в имя).

Морфосинтаксические признаки литовских причастий

конструкция		парадигма времен	оформление субъекта	согласование с субъектом	парадигма склонения	
личные формы		полная	NOM	+	–	
эвиденциальные конструкции	нейтральные	полная	NOM	+	редуцирована (NOM)	
	безлично-пассивные	редуцирована	GEN	–	редуцирована (DF)	
актантные конструкции	односубъектные		полная		+	редуцирована (NOM)
	разносубъектные	при глаголах речи и мысли	полная	ACC	–	–
		при глаголах восприятия	фиксирована (PRS)	∅	+/-	редуцирована (ACC)
обстоятельственные конструкции	односубъектные		редуцирована	∅	+	редуцирована (NOM)
	разносубъектные		редуцирована	DAT	–	–
	конструкция с союзом <i>užuo</i> t		фиксирована (PST)	∅	+	редуцирована (NOM)
	конструкция с союзом <i>prieš</i>		редуцирована (PRS, FUT)	∅ ~ DAT	+	редуцирована (NOM)
определительные конструкции		полная	∅	–	полная	
конструкции со вспомогательными глаголами	авертив		фиксирована (PRS)	NOM	+	редуцирована
	перфект-результатив		фиксирована (PST)			
	пассив		редуцирована (PRS, PST)			
конструкция с глаголом <i>liautis</i>		фиксирована (PST)	∅	+	редуцирована (NOM, DF)	

Не менее важным, однако, представляется то, что проанализированные здесь морфосинтаксические признаки причастий не соотносятся друг с другом тривиальным образом и, в частности, не всегда однозначно коррелируют (например, редуцированная временная парадигма необязательно имплицитно подразумевает развитую именную, и наоборот). С другой стороны, корреляции между некоторыми признаками носят сугубо формальный характер и не соотносятся напрямую с другими параметрами (не)финитности – это

касается в первую очередь согласования причастия с субъектом и оформления последнего номинативом. Тем самым, несмотря на то что для литовских причастий можно выделить два «полюса» на шкале финитности, различные их употребления образуют не четкую иерархию, организованную в соответствии с постепенным убыванием глагольных и накоплением именных свойств, а скорее многомерное и притом неравномерно заполненное пространство.

Таким образом, следует говорить о том, что тот или иной набор признаков причастий определяется морфосинтаксическими и семантическими особенностями конкретных конструкций, в которых они выступают, и в этом смысле именно конструкции, а не конкретные глагольные формы следует характеризовать как более или менее финитные (ср. сходные выводы в работе [Creissels 2009] о причастиях в ахвахском языке или наблюдения над балансом именных и глагольных характеристик отглагольного имени в кабардинском языке в работе [Ершова 2012]). Более того, мотивация набора свойств причастий в тех или иных конструкциях зачастую лежит в диахронических связях этих конструкций с другими. Так, нейтральные эвиденциальные конструкции, по всей видимости, возникли в результате и н с у б о р д и н а ц и и (расподчинения) [Evans 2007] односубъектных актантных причастных предикаций, что хорошо объясняет сходства в морфосинтаксических характеристиках выступающих в них причастий (об этой гипотезе см. [Wiemer 1998]; альтернативная и, на мой взгляд, скорее дополняющая, нежели отрицающая данную гипотезу о происхождении эвиденциальных конструкций из форм перфекта высказана в работах [Wälchli 2000: 191–197; Holvoet 2007: 92–93]). Напротив, разносубъектные актантные и обстоятельственные причастные конструкции имеют совершенно иное (и нетождественное, см. [Амбразас 1990: 141–179; Аркадьев в печати б]) происхождение; в ходе своей эволюции, в частности, они в результате чисто морфологического процесса изменили значение признака «согласование с субъектом» с положительного на отрицательное.

Заключая, отмечу, что, во-первых, литовские данные наглядно и убедительно демонстрируют неэлементарность понятий «финитность» и «нефинитность» применительно не только к типологическому сопоставлению (в качестве *comparative concepts* по [Haspelmath 2010]), но и к описанию конкретного языка (т.е. в качестве *descriptive categories* в терминологии той же работы) и необходимость многофакторного подхода к анализу морфосинтаксических характеристик глагольных форм наподобие того, что предложен в работе [Nikolaeva 2013]. Действительно, в рамках традиционной трактовки финитности как бинарного признака, основанного на единственном морфологическом или дистрибутивном критерии, вопрос о «степени (не)финитности» того или иного употребления причастий вообще не имеет смысла, а полученные в результате нашего исследования данные и обобщения об именных и глагольных свойствах причастий в составе различных конструкций в лучшем случае оказались бы разрозненными наблюдениями (как это и происходит в литовских грамматиках или в статье [Klimas 1987]).

Во-вторых, материал литовского языка показывает, если угодно, «эпифеноменальность» дихотомии «финитность vs. нефинитность» по отношению к конкретным конструкциям (вне зависимости от того, какой теоретический аппарат использовать при их описании), совокупность формальных и семантических свойств которых во многом предопределяет конкретный набор значений признаков (не)финитности у выступающих в их составе глагольных форм. Наконец, сама по себе полифункциональность и гетерогенность морфосинтаксических свойств литовских причастий говорит в пользу таких моделей взаимодействия морфологии и синтаксиса, в которых тождество формального экспонента, которым оперирует морфологический компонент грамматической системы, необязательно подразумевает единство функционального содержания и синтаксического поведения соответствующих языковых единиц.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ACC – аккумулятив, AUX – вспомогательный глагол, CNT – континуатив, CNV – конверб, COMP – сравнительная степень, DAT – датив, DEF – определенность, DEM – указательное местоимение, DF – дефолтное согласование, F – женский род, FUT – будущее время, GEN – генитив, HAB – хабишуалис, INF – инфинитив, INS – инструменталис, IRR – ирреалис, LOC – локатив, M – мужской род, NEG – отрицание, NOM – номинатив, PA – активное причастие, PL – множественное число, PP – пассивное причастие, PRED – предикат, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, Q – вопрос, RFL – рефлексив, SG – единственное число, SPRL – превосходная степень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбразас 1985 – В. Амбразас (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Амбразас 1990 – В. Амбразас. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Vilnius, 1990.
- Аркадьев 2011 – П.М. Аркадьев. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5.
- Аркадьев 2012 – П.М. Аркадьев. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением апрельных данных) // В.А. Плуныян (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. (Acta linguistica petropolitana. T. VIII. Ч. 2) СПб., 2012.
- Аркадьев в печати а – П.М. Аркадьев. Глагольная рестриктивность в литовском языке // С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика (ред.). Studia typologica octogenario Victoris Samuelis filii Khrakovskii dedicata (Acta linguistica petropolitana). В печати.
- Аркадьев в печати б – П.М. Аркадьев. Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». В печати.
- Вимер 2004 – Б. Вимер. Таксис и коинцидентия в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // В.С. Храковский, А.Л. Мальчуков, С.Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Вимер 2007 – Б. Вимер. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке // В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Вимер 2009 – Б. Вимер. Таксис в литовском языке // В.С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Генюшене 1974 – Э.Ш. Генюшене. Диатезы и залого в современном литовском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974.
- Генюшене 1985 – Э.Ш. Генюшене. Двупредикатные фазовые конструкции в литовском языке // В.С. Храковский (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Генюшене, Недялков 1983 – Э.Ш. Генюшене, В.П. Недялков. Результатив, пассив и перфект в литовском языке // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Ершова 2012 – К.А. Ершова. Именные и глагольные свойства бесленеевского масдара // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. 2012. Вып. VII.
- Калинина 1998 – Е.Ю. Калинина. Разграничение финитных и нефинитных форм глагола в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 1998. № 4.
- Калинина 2001 – Е.Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.
- Сведенцова 2003 – Е.А. Сведенцова. Перфективность, результативность и инференциальность в литовском языке: сочетание значений и совмещение форм // В.С. Храковский (ред.). Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы конференции. СПб., 2003.
- Храковский 2009 – В.С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В.С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Adger 2007 – D. Adger. Three domains of finiteness: a Minimalist perspective // I. Nikolaeva (ed.). Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Aikhenvald 2004 – A. Yu. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.

- Aleksandravičiūtė 2013 – *S. Aleksandravičiūtė*. The semantic effects of the subject genitive of negation in Lithuanian // *Baltic linguistics*. 2013. V. 4.
- Ambrasas 1997 – *V. Ambrasas* (ed.). Lithuanian grammar. Vilnius, 1997.
- Arkadiev 2010 – *P.M. Arkadiev*. Notes on the Lithuanian restrictive // *Baltic linguistics*. 2010. V. 1.
- Arkadiev 2011 – *P.M. Arkadiev*. On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // *Baltic linguistics*. 2011. V. 2.
- Arkadiev 2012a – *P.M. Arkadiev*. Stems in Lithuanian verbal inflection (with remarks on derivation) // *Word structure*. 2012. V. 5. № 1.
- Arkadiev 2012b – *P.M. Arkadiev*. Participial complementation in Lithuanian // *V. Gast, H. Diessel* (eds). *Clause linkage in cross-linguistic perspective: Data-driven approaches to cross-clausal syntax*. Berlin; New York, 2012.
- Arkadiev 2013 – *P.M. Arkadiev*. Marking of subjects and objects in Lithuanian non-finite clauses: A typological and diachronic perspective // *Linguistic typology*. 2013. V. 17. № 3.
- Aronoff 1994 – *M. Aronoff*. *Morphology by itself. Stems and inflectional classes*. Cambridge (MA); London, 1994.
- Bisang 2001 – *W. Bisang*. Finite vs. non-finite languages // *M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible* (eds). *Language typology and language universals. An international handbook*. V. 2. Berlin, 2001.
- Bisang 2007 – *W. Bisang*. Categories that make finiteness: discreteness from a functional perspective and some of its repercussions // *I. Nikolaeva* (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2007.
- Brown et al. 2013 – *D. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett* (eds). *Canonical morphology and syntax*. Oxford, 2013.
- Brugmann 1892 – *K. Brugmann*. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen*. II. Bd. *Wortbildungslehre (Stammbildungs- und Flexionslehre)*. 2. Hälfte. Strassburg, 1892.
- Corbett 2005 – *G.G. Corbett*. The canonical approach to typology // *Z. Frajzyngier, A. Hodges, D.S. Rood* (eds). *Linguistic diversity and language theories*. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
- Creissels 2009 – *D. Creissels*. Participles and finiteness: the case of Akhvakh // *Linguistic discovery*. 2009. V. 7. № 1.
- Cristofaro 2003 – *S. Cristofaro*. *Subordination*. Oxford, 2003.
- Cristofaro 2007 – *S. Cristofaro*. Deconstructing categories: Finiteness in a functional-typological perspective // *I. Nikolaeva* (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2007.
- Engels 2009 – *R. Engels*. The syntactic position of the perceived participant as indicator of the internal structure of the Spanish and French infinitival complement // *Linguistics*. 2009. V. 47. № 3.
- Evans 2007 – *N. Evans*. Insubordination and its uses // *I. Nikolaeva* (ed.). *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2007.
- Geniušienė 2006 – *E. Geniušienė*. Passives in Lithuanian (in comparison with Russian) // *W. Abraham, L. Leisiö* (eds). *Passivization and typology. Form and function*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Geniušienė, Nedjalkov 1988 – *E. Geniušienė, V.P. Nedjalkov*. Resultative, passive, and perfect in Lithuanian // *V.P. Nedjalkov* (ed.). *Typology of resultative constructions*. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Givón 2001 – *T. Givón*. *Syntax. An introduction*. V. 2. Rev. ed. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Gliwa 2003 – *B. Gliwa*. Nešinas, vedinas, tekinas // *Acta linguistica lituanica*. 2003. V. 48.
- Greenberg, Lavine 2006 – *G. Greenberg, J.E. Lavine*. New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle // *R. Rothstein, E. Scatton, Ch. Townsend* (eds). *Studies in Slavic linguistics and folklore*. Bloomington (IN), 2006.
- Gronemeyer 1997 – *C. Gronemeyer*. Evidentiality in Lithuanian // *Working papers of Lund university, Dept. of linguistics*. 1997. V. 46.
- Gronemeyer, Usonienė 2001 – *C. Gronemeyer, A. Usonienė*. Complementation in Lithuanian // *C. Gronemeyer*. *Laying the boundaries of syntax: Studies in the interfaces between syntax, semantics and lexicon*. Lund, 2001.
- Haiman, Munro 1983 – *J. Haiman, P. Munro* (eds). *Switch-reference in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia, 1983.
- Haspelmath 2010 – *M. Haspelmath*. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. 2010. V. 86. № 3.
- Holvoet 2001 – *A. Holvoet*. On the paradigm of the oblique mood in Lithuanian and Latvian // *Linguistica baltica*. 2001. V. 9.
- Holvoet 2007 – *A. Holvoet*. Mood and modality in Baltic. Kraków, 2007.

- Holvoet 2013 – *A. Holvoet*. Obliqueness, quasi-subjects and transitivity in Baltic and Slavonic // I. Seržant, L. Kulikov (eds). The diachronic typology of non-prototypical subjects. Amsterdam; Philadelphia, 2013.
- Holvoet, Spraunienė 2012 – *A. Holvoet, B. Spraunienė*. Towards a semantic map for definite adjectives in Baltic // *Baltic linguistics*. 2012. V. 3.
- Kehayov 2008 – *P. Kehayov*. An areal-typological perspective to evidentiality: The cases of the Balkan and Baltic linguistic areas. (Dissertationes linguisticae Universitatis tartuens 10.) Tartu, 2008.
- Klimas 1987 – *A. Klimas*. The Lithuanian participles: Their system and functions // *Lituanus*. 1987. V. 33.
- Koptjevskaja-Tamm 1999 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Finiteness // K. Brown, J. Miller (eds). Concise encyclopedia of grammatical categories. Amsterdam, 1999.
- Kučinskaitė, Morkūnas 1964 – *A. Kučinskaitė, K. Morkūnas*. Retos lietuvių kalbos tariamosios nuosakos formos // *Mokslų akademijos darbai*. 1964. T. 1.
- Landau 2004 – *I. Landau*. The scale of finiteness and the calculus of control // *Natural language and linguistic theory*. 2004. V. 22.
- Lavine 1999 – *J.E. Lavine*. Subject properties and ergativity in North Russian and Lithuanian // K. Dziwirek et al. (eds). Formal approaches to Slavic linguistics 7. Ann Arbor, 1999.
- Lavine 2006 – *J.E. Lavine*. Is there a passive evidential strategy in Lithuanian? // *Papers from the 42nd Regional meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago, 2006.
- Lavine 2010 – *J.E. Lavine*. Mood and a transitivity restriction in Lithuanian: The case of the inferential evidential // *Baltic linguistics*. 2010. V. 1.
- Lehmann 1988 – *Chr. Lehmann*. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S.A. Thompson (eds). Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Litvinow 1989 – *V.P. Litvinow*. Der modus relativus baltischer Sprachen aus typologischer Sicht // *Baltistica*. 1989. T. 35. № 2.
- Malchukov 2004 – *A. Malchukov*. Nominalization/verbalization: Constraining a typology of transcategorical operations. München, 2004.
- Meier-Brügger 2003 – *M. Meier-Brügger*. Indo-European linguistics. Berlin; New York, 2003.
- Nau 1998 – *N. Nau*. Latvian. München; Newcastle, 1998.
- Nau 2011 – *N. Nau*. A short grammar of Latgalian. München; Newcastle, 2011.
- Nedjalkov 1995 – *V.P. Nedjalkov*. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin; New York, 1995.
- Nikolaeva 2007a – *I. Nikolaeva*. Introduction // I. Nikolaeva (ed.). Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Nikolaeva 2007b – *I. Nikolaeva*. Constructional economy and nonfinite independent clauses // I. Nikolaeva (ed.). Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Nikolaeva 2013 – *I. Nikolaeva*. Unpacking finiteness // D. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett (eds). Canonical morphology and syntax. Oxford, 2013.
- Rizzi 1997 – *L. Rizzi*. The fine structure of the left periphery // L. Haegeman (ed.). Elements of grammar. Dordrecht, 1997.
- Round 2011 – *E.R. Round*. Morphemes as a level of representation capture unity of exponence across the inflection-derivation divide // *Linguistica*. 2011. V. 51.
- Schleicher 1856 – *A. Schleicher*. Handbuch der litauischen Sprache. Bd I. Grammatik. Prag, 1856.
- Slišienė 1961 – *N. Slišienė*. Apie sudurtines pradėtines veiksmažodžių formas // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. 1961. T. 4.
- Timberlake 1982 – *A. Timberlake*. The impersonal passive in Lithuanian // M. Macauley et al. (eds). Proceedings of the 8th Annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley, 1982.
- Usonienė 2001 – *A. Usonienė*. On direct/indirect perception with verbs of seeing and seeming in English and Lithuanian // *Working papers of Lund university, Dept. of linguistics*. 2001. V. 48.
- Wälchli 2000 – *B. Wälchli*. Infinite predication as a marker of evidentiality and modality in the languages of the Baltic region // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2000. Bd 53.
- Wiemer 1998 – *B. Wiemer*. Pragmatical inferences at the threshold to grammaticalization. The case of Lithuanian predicative participles and their functions // *Linguistica baltica*. 1998. T. 7.
- Wiemer 2001 – *B. Wiemer*. Partizipien zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik: Ein Überblick zu aspektuellen, diathesebezogenen und diskursrelevanten Eigenschaften im modernen Litauischen // B. Wälchli, F. Zúñiga (Hrsg.). Sprachbeschreibung und Typologie. Bern, 2001.
- Wiemer 2004 – *B. Wiemer*. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds). What makes grammaticalization? A look for its fringes and its components. Berlin; New York, 2004.

- Wiemer 2006a – *B. Wiemer*. Grammatical evidentiality in Lithuanian (A typological assessment) // *Baltistica*. 2006. T. 41. № 1.
- Wiemer 2006b – *B. Wiemer*. Relations between actor-demoting devices in Lithuanian // W. Abraham, L. Leisiö (eds). *Passivization and typology. Form and function*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Wiemer, Bjarnadóttir 2014 – *B. Wiemer, Valgerður Bjarnadóttir*. On the non-canonical marking of the highest-ranking argument in Lithuanian and Icelandic: Steps toward a database // A. Holvoet, N. Nau (eds). *Grammatical relations and their non-canonical encoding in Baltic*. Amsterdam; Philadelphia, 2014.
- Wiemer, Giger 2005 – *B. Wiemer, M. Giger*. Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen. Bestandaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten. München; Newcastle, 2005.
- Wurmbrand 2001 – *S. Wurmbrand*. *Infinitives. Restructuring and clause structure*. Berlin; New York, 2001.

Сведения об авторе:

Петр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН/РГГУ/МГТУ им. М.А. Шолохова
peterarkadiev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.02.2014.